
ИДЕИ И ПРАКТИКА

Б.И. Макаренко*

ТЕОРИЯ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ ПОЛВЕКА СПУСТЯ

Аннотация. Статья рассматривает эволюцию партийных систем развитых демократий в свете известной теории М. Липсета и С. Роккана. Анализ современных праворадикальных партий приводит к выводу, что современный правый радикализм можно назвать реакцией западных обществ на «кризис постмодерна», но вероятность их сползания в авторитаризм принципиально ниже, чем в межвоенный период.

Ключевые слова: политические партии; партийные системы; постмодерн; популизм.

B.I. Makarenko

Theory of party systems half a century later

Abstract. The article analyzes evolution of party systems in Western democracies in the light of the seminal theory of Martin Lipset and Stein Rokkan. Analysis of contemporary rightist radical parties leads the author to the conclusion that this phenomenon can be interpreted as a reaction of Western societies to the «crisis of postmodern world», yet it is unlikely to provoke authoritarian relapse like the interwar period.

Keywords: political parties; party systems; postmodern society; populism.

* **Макаренко Борис Игоревич**, кандидат политических наук, профессор департамента политической науки Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, председатель правления Фонда «Центр политических технологий», e-mail: bmakarenko@yandex.ru

Makarenko Boris, National Research University Higher School of Economics; Center for Political Technologies (Moscow, Russia), e-mail: bmakarenko@yandex.ru

Классическая работа Сеймура Мартина Липсета и Стейна Роккана [Lipset, Rokkan, 1967], задавшая концептуальный подход к анализу партий и партийных систем, вышла в свет ровно полвека назад. Юбилей пришелся на время, когда политологи обсуждают тектонические сдвиги в конфигурации политических сил в крупнейших демократиях, резкий подъем популистских, праворадикальных партий. Неожиданные победы популистов: успех референдума Брекзит, исход президентских выборов в США, поражение и право- и левоцентристских партий на президентских и парламентских выборах во Франции – лишь наиболее яркие и недавние события, которые заставляют политологов говорить о кризисе или даже угрозе привычной модели демократии, и естественно, что в этих обсуждениях теория Липсета – Роккана упоминается достаточно часто.

Прошедшие полвека эта работа служила отправной точкой для анализа партийных систем – как сравнительного, так и в кейсах отдельных стран. Когда исследования вышли за рамки круга «традиционных», «старых» демократий, часто указывалось на ограничители и существенные отличия в становлении более новых партийных систем. Например, Барбару Геддес анализ парадигм развития латиноамериканских стран привел к выводу, что становление в них партийных систем следовало иной парадигме, отличной от логики работы Липсета и Роккана [Geddes, 2003]. Убедительно обосновывался и иной характер развития многопартийности в посткоммунистических государствах, в которых описанные Липсетом и Рокканом размежевания много десятилетий подавлялись авторитарным режимами [Tavits, 2013; Zielinski, 2002; Партии и партийные системы, 2015].

Еще ранее, фактически с начала 1970-х годов, интерпретации теории стали упоминать о новых размежеваниях, порожденных постиндустриальной (постматериалистической, постмодерной) эпохой. Как мы покажем ниже, «карта» партийных систем, представляющая в современных компаративистских работах на эту тему, весьма далека от изначальной – простой и кажущейся линейной – схемы, предложенной Липсетом и Рокканом. Тем не менее значимость этой теории не отрицает никто из тех, кто существенно ее видоизменяет или указывает на ограничители. В чем причины ее «живучести»? Если ответить одним словом – в «современности».

Во-первых, за счет широчайшей научной и профессиональной эрудиции оба автора в основу своей теории положили глубокие знания из разных общественных наук: социологии, истории, страноведения, хотя понятие «междисциплинарность» в те времена вряд ли использовалось. Во-вторых, оба были среди пионеров применения в политической науке количественных методов: Роккан «освоил» применение компьютерных подсчетов, Липсет собрал в работе «Политический человек» (сложно представить, сколь трудоемкой была эта работа в эру «до Интернета») электральною и демографическую статистику за многие десятилетия XX века и по многим странам. В-третьих (и это, пожалуй, главное), теория Липсета и Роккана – не «закрытая» схема, а скорее логика анализа расколов в обществе и парадигма отражения этих расколов в партийных системах, т.е. развитие теории в ней заложено изначально.

В заключительном разделе книги Липсет и Роккан предположили наступление серьезных изменений в партийных системах, – и начало таким изменениям положил следующий за выходом их работы год, когда студенческие волнения в Париже и антивоенное движение в США ознаменовали серьезный сдвиг в конфигурации общественных сил в традиционных западных демократиях.

Рассуждая о современном применении теории Липсета и Роккана, мы хотели бы привлечь внимание к тому, как Мартин Липсет описывает в одном из главных своих произведений – «Политический человек» [Липсет, 2016] – истоки и социальную базу фашизма и других правых экстремистских течений межвоенной эпохи. Мы попытаемся сравнить этот феномен с аналогичными характеристиками современных правых и популистских движений.

Наша гипотеза: наблюдаемые в последние годы явления на партийных аренах многих стран Европы и в США – порожденное случайным сочетанием нескольких факторов обострение кризиса постмодерна. Причем в полном соответствии с логикой теории Липсета – Роккана, качественный сдвиг произошел скачкообразно, хотя его предпосылки складывались десятилетиями. Поэтому для обоснования нашего предположения – следуя логике и теории Липсета – Роккана и во многом упомянутой другой работы Липсета, – представим краткий очерк развития партийных систем «старых демократий» в послевоенный период.

«Классические размежевания» в замороженном состоянии

Описывая партийные системы 1960-х годов, Липсет и Роккан отмечают, что «за несколькими, хотя и важными исключениями» они «отражают структуру размежеваний 1920-х годов», т.е. «в большинстве случаев партийные организации старше, чем бо́льшая часть избирателей» [Lipset, Rokkan, 1967, p. 43], – собственно, на этом и строится их посылка о том, что партийные системы отражают значимые и устойчивые водоразделы в обществах. Однако внимания заслуживает не то, что партии межвоенной эпохи смогли «пережить» или возродиться и после авторитарно-фашистского отката демократии в 20–30-е годы прошлого века и Второй мировой войны, а сохранность этой системы за два первых послевоенных десятилетия, на которые пришлось тектонические сдвиги и в экономике, и в социальных системах, и в социально-классовых структурах западных обществ.

Они стали следствием взаимосвязанных процессов, на первое место из которых – в логике актор-ориентированных факторов – мы бы поставили «социальную инженерию» с целью недопущения повтора ситуации, которая привела ко Второй мировой войне. Политический класс Запада 1940–1960-х годов – это поколение, испытавшее все ужасы войны. Основной стержень социальной политики послевоенных десятилетий – создание того, что американский историк А. Шлезинджер [Schlesinger, 1949] назвал *vital center* – жизненный центр: сближение умеренных сил консервативного, либерального и социал-демократического лагерей против экстрем-праворадикалов, несущих опасность фашизма, и коммунистов. Примечательно, что выстраивание этого «центра» – разумеется, не как институционализированной политической структуры, а согласия этих сил о стратегических целях и ограничителях политического развития, – затронуло обе «оси», по которым С. Липсет, а вслед за ним и большинство других исследователей, классифицировали политические партии: главную ось – «лево-правую», и дополнительную, которую Липсет описал на примере Германии и других стран в межвоенный период: «политическая демократия в противовес тоталитаризму», причем «налево» голоса избирателей уходили, в его трактовке, к коммунистам, «направо» – к фашистам [Липсет, 2016, с. 268–269].

А главное – социально-экономическое – размежевание в первые послевоенные десятилетия испытывало перемены. Восстановление разрушенной войной Европы в рамках «плана Маршалла» шло в русле неолиберальных принципов рыночной экономики, но с неперенным признанием роли государства и его социальной функции. Именно тогда возникает «государство всеобщего благоденствия» (welfare state), в создании которого участвуют и право- и левоцентристские силы. С этого момента именно государство начинает нести основное бремя расходов по социальной поддержке малоимущих, пенсионной системе, страховой медицине и т.п.

Разумеется, преувеличивать, тем более абсолютизировать роль акторных факторов было бы неправильно: все эти целенаправленные усилия дали бы весьма ограниченный результат, если бы в эти годы не произошел значимый подъем экономик стран Запада, который, во-первых, повысил уровень жизни основной массы населения; во-вторых, существенным образом переопределил и структуру занятости за счет развития сервисных секторов и, соответственно, существенного повышения доли среднего класса; в-третьих, дал ресурсы для функционирования welfare state. Изменилась и «внешняя рамка», в которой оказались граждане стран Запада: в условиях холодной войны и глобального биполярного противостояния прежние антагонизмы между этими странами сменились их военно-политическим союзом и началом процессов экономической интеграции.

Тем самым и структурные, и актор-ориентированные факторы работали на смягчение классового конфликта. Как отмечает М. Липсет, «35 лет после Второй мировой – самый долгий период существования без депрессии, время устойчивого роста, экономическое недовольство не служило поводом для подъема экстремизма» [Липсет, 2016, с. 528–529]. Как много позже отмечал британский политический философ Дж. Данн, «в течение двух последних третей столетия такого рода сочетание политического и экономического устройства предложило... основания для удовлетворенности большему количеству людей на больших территориях, чем любые другие устройства прежде» [Данн, 2016, с. 17].

Нарисованная выше картина социально-экономического развития, разумеется, предельно упрощена, однако общий его вектор был проложен именно так и сохранялся неизменным долгие десятилетия. Его эффекты в политическом пространстве проявились

фантастически быстро по историческим меркам – за одно послевоенное десятилетие: острота классового конфликта, отражающаяся в партийном пространстве в противостоянии левых и правых партий, существенно снизилась. Липсет описывает этот феномен ссылками на дискуссии на авторитетном по составу участников конгрессе «Будущее свободы» (Милан, 1955), где большинство делегатов сошлось во мнении, что «традиционные вопросы, размежевывающие левых и правых, отошли на второй план» [Липсет, 2016, с. 474], и на исследования британского политолога Джона Томаса, который на большой выборке доказал, что «не левые» (консерваторы, либералы, христианские демократы) «между 1890-ми и 1960-ми годами неизменно, а порой совершая резкие скачки, смещались влево», а лейбористы снижали радикализм, и что из десяти промышленно развитых стран в девяти (кроме США) «партийные расхождения по всем вопросам сократились» не только между главными партиями, но и всеми партиями с более чем 5% поддержки [там же].

Что означали эти перемены для партийных систем? Во-первых, то, что «старые» (в большинстве, но не во всех случаях) партии смогли существенно изменить свою повестку дня, сохранив базу своей поддержки, т.е. партии и общество эволюционировали в одном направлении. Именно такой вывод сделал М. Липсет, интерпретируя исследования Дж. Томаса: «"не левые" сдвинулись влево сильнее, чем "левые" вправо... Причина в том, что сам истеблишмент сместился влево, поэтому сдвиги в партийных позициях следовали за консенсусом и оказывались незаметными» [там же]. Сказалась и традиционная для устойчивых электоратов инерционность в лояльности партиям, и то, что (еще одно утверждение М. Липсета) такие партии (и левые, и правые) почти никогда не отказывались от своего «главного мифа», идеологического ярлыка как главного идентификатора, но стали относить его на отдаленную перспективу [там же, с. 475], – что помогало сохранить лояльность избирателей. Важно и то, что основная масса избирателей, как и политическая элита, принадлежала к тому же «военному поколению», которое интуитивно испытывало ту же потребность – не допустить повторения ужасов войны.

Во-вторых, произошло переопределение главных осей политического размежевания. Споры о том, сдвинулась ли главная ось

влево или вправо, продолжают по сей день, чаще утверждается (см. выводы Дж. Томаса), что вектор перемен был направлен влево, хотя есть и иная точка зрения¹. Оговоримся, что такие рассуждения неизбежно носят характер относительный и субъективный. Субъективный потому, что каждый оценивающий неизбежно привносит свою интерпретацию «левого» и «правого» в зависимости в том числе и от собственных убеждений. Сошлемся, например, на ламентацию М. Липсета о «триумфе и трагедии» консерваторов, вынужденных реализовывать более левую повестку дня, чтобы не допустить еще более левых перегибов и при этом жертвуя своими ценностями [Липсет, 2016, с. 338–339]. Относительность же оценок проявляется в том, что хотя исследователи (и Дж. Томас, и современные базы данных типа YouGov или Project Manifesto) выстраивают «лево-правую» шкалу на основании субстантивных индикаторов (типа анализа партийных программ и / или иных документов). Такая шкала позволяет оценивать сдвиги только внутри одной партийной системы, т.е. одной страны, сравнительные же оценки вряд ли возможны, поскольку понятия «левое» и «правое» могут существенно отличаться от страны к стране и в разные временные периоды.

Однако еще более существенно то, что оси, по которым производятся оценки, не параллельны, а порой ортогональны друг другу. Если говорить о «классовом компромиссе», приведшем к сглаживанию градуса противоречий между левыми и правыми, то он не сводится к сближению позиций по социально-экономическим вопросам (объем перераспределяемых государством средств в целях социальной защиты, налоговое бремя, степень и формы государственного вмешательства в экономику), но включает и темы, скорее относящиеся к другой «липсетовской оси» – «либерализм – авторитаризм». К тому же, например, если в экономике понятие «либеральный» (в современных условиях чаще – «неолиберальный») обычно ассоциируется с правым флангом, то в политической и гуманитарной сферах «либеральное» – это скорее «левое», связанное с правами меньшинств, гражданскими свободами и т.п.

Общие параметры «партийного сдвига» этого периода можно резюмировать следующим образом. Во-первых, произошло «сжа-

¹ Американский политолог А. Пшеворский в переписке с автором в феврале 2017 г.

тие» лево-правой оси. Идеино-политическая дистанция между правым и левым центрами сократилась, образовался широкий центристский мейнстрим, правая и левая составляющие которого чередовались у власти единолично или в составе более широких коалиций, не исключая в некоторых странах и «больших коалиций» обоих сегментов центра. Партии этого центра разделяли принципы рыночной экономики с надежными социальными гарантиями. Во-вторых, этот консенсус разделял ценности либеральной демократии и классового мира. На эти позиции перешли и социал-демократы, отказавшиеся от революционной марксистской фразеологии, и консерваторы, еще недавно ностальгировавшие по патриархальному укладу. Радикализм и экстремизм, противоречащие этим принципам, оказались на далекой обочине партийных систем. Парадоксальным образом, партии с либеральными платформами в большинстве стран в этот период отошли на вторые роли, однако и консерваторы, и социалисты стали разделять основные ценности либерализма.

В-третьих, «замороженность» партийных систем, описанная Липсетом и Рокканом, отнюдь не означала их иммобильности или стагнации. Как показано выше, в этот период Запад переживал бурное социально-экономическое развитие, сопровождавшееся существенными изменениями в структуре и ценностях общества, и политический класс, объединенный в партии, в целом уверенно управлял этими процессами.

«Размораживание» партийных систем, или Этапы «тихой революции»

Качественные подвижки в партийных системах начались в конце 60-х годов прошлого века. В классической работе Липсета и Роккана адекватно описаны предпосылки этой ожидаемой перемены – государство всеобщего благосостояния, распространение массовой культуры, повышение уровня образования. Однако предсказание «эффекта» этих предпосылок у них оказалось верным по вектору, но не конкретному сценарию. Они ожидали обострения конкуренции за власть (частых смен правительств) и усложнения коалиционных стратегий, но не упоминали возможности появления принципиально новых партий [Lipset, Rokkan, 1967, p. 43–44].

Несколькими годами позже на тех же основаниях авторитетные авторы отмечают закат традиционной системы размежеваний – «диссипацию [рассеяние] религии, увядание национализма, упадок (если не полное исчезновение) идеологии, основанной на противостоянии классов» – и предполагают, что «партии – политическая форма, специфически приспособленная к нуждам индустриального общества», а потому «переход к постиндустриальной фазе развития... означает конец привычной партийной системы» и угрозу самому институту политического участия [Crozier, Huntington, Watanuki, 1975, p. 91].

Симптомами перемен стали студенческие движения во Франции и США, достигшие пика в 1968 г. и бросившие вызов традиционному истеблишменту, его ценностям и образу жизни. На политической арене впервые появилось послевоенное поколение, ставшее бенефициаром экономических, политических и культурных достижений того самого истеблишмента, против которого оно восстало.

Новые ценности, исповедуемые этим поколением, получили название *постматериалистических* (у Липсета, а впоследствии и в известной концептуальной работе А. Лейпхарта [Lijphart, 1999, p. 80–81]) или *постиндустриальных* (в работах Р. Инглхарта). Именно они, как отмечает Липсет, стали основой антиистеблишментной политики 1960-х годов. Иницировалась эта политика представителями имущих классов (чаще – молодыми), а сопротивление их продвижению оказывали «менее процветающие, менее образованные граждане, занимающие более низкое социальное положение». В первую очередь это отразилось на левой части политического спектра. Липсет пишет: «Левых сейчас двое – “материалист” и “постматериалист”». Второй из них принадлежит к «более богатым и лучше образованным слоям», а «ответный социальный консерватизм способствовал формированию поддержки для правых-от-центра партий со стороны менее привилегированных и менее образованных слоев общества», что, по его мнению, не отменяло базового размежевания на левых и правых [Липсет, 2016, с. 536–546].

Этот процесс Р. Инглхарт в 1971 г. назвал «тихой революцией» [Inglehart, 1971], имея в виду прежде всего революцию ценностей нового поколения, но революционными стали и ее последствия для партийных систем. Фактически впервые – возможно, с

начала XX в., – появилось новое значимое размежевание, которое в соответствии с духом, если не буквой теории Липсета и Роккана, потребовало и новых представителей в политическом пространстве.

Именно на этой хронологической точке начинаются принципиальные подвижки в партийных системах. «Ортогональность» прежних – построенных на «лево-правой» шкале, – и новых, постматериалистических размежеваний и ценностей общества приводит к новым расколам, появлению движений «одного вопроса». Как отмечает М. Липсет, «из-за перекрестного давления несхожих позиций в отношении экономических и социальных ценностей уменьшилась значимость верности партиям, ранее связанным со структурными источниками раскола в индустриальном обществе» [Липсет, 2016, с. 535]. Этому процессу активно способствовали сдвиги и в социальной структуре общества – рост удельного веса среднего класса и людей с высшим образованием, и в механизмах социальной мобилизации. Липсет писал, что в последние десятилетия XX в. значительно снизилась массовость организаций, в прошлом игравших роль связующих звеньев между партиями и избирателями – профсоюзов «слева» и церковных организаций – «справа» [там же]. По наблюдениям авторов современной типологии партийных систем, партийные организации становятся «тоньше», т.е. менее массовыми по членству, менее плотной сетью партийного аппарата и актива [Gunther, Diamond, 2003, p. 171–173].

«Активной стороной», породившей этот сдвиг, стала левая часть политического спектра, поскольку именно она «впитала» новые ценности и расширила свою массовую базу. Сдвиг начался с упомянутых студенческих движений, чуть позже – в начале 1970-х годов – возникают первые «новые левые» партии – «Зеленые» в Германии, постматериалистические партии в Бельгии и Нидерландах. Однако масштаб этого сдвига остается умеренным: лишь в 1983 г. немецкие «Зеленые» первый раз преодолевают 5%-ный барьер и попадают в Бундестаг. Много позже, в конце века, А. Лейпхарт отмечает наличие значимого, т.е. существенно влияющего постматериалистического размежевания лишь в четырех из 36 анализируемых им демократий, причем только в Нидерландах это влияние оценивалось как сильное [Lijphart, 1999, p. 80–81]. В 1970–1980-е годы появляются первые «новые правые» партии, в том числе –

французский Национальный фронт, но они остаются аутсайдерами партийной политики.

Почему же, в отличие от прошлых лет, на партийной арене появляются новые партии? Первая причина в том, что у традиционных партий программы оказались «прилипчивыми» (sticky): их было трудно изменить без риска потери мотивации и партийного актива, и массового избирателя [Hooghe, Marks, 2018]. Эти партии пытались адаптироваться к новым ценностям: левые и центристы стали уделять больше внимания природоохранной тематике, «правые» получали голоса тех, кого новые ценности отталкивали (например, в том же знаковом 1968 г. рабочие и традиционные избиратели Демократической партии США – вопреки электоральной традиции – поддерживают консерваторов де Голля и Г. Уоллеса [Inglehart, Norris, 2016, p. 21]), но все же новое размежевание потребовало иного проводника интересов. Еще одна причина в том, что в прежние эпохи партии возникали при уже сложившихся размежеваниях; сдвиги в них происходили синхронно с расширением избирательного права и / или социальной эмансипацией низших классов, и новые группы активных избирателей «вписывались» в уже сложившуюся конфигурацию партийных систем, лишь постепенно меняя расклад сил в ней. Именно так происходил постепенный подъем социал-демократических, а порой – и коммунистических партий. В современную же эпоху, при полноценном избирательном праве, те же избиратели – или их новое поколение – формулируют иной запрос, т.е. новые партии возникают под вновь образовавшееся размежевание, являясь функциями от них [Hooghe, Marks, 2018].

Современные интерпретаторы теории Липсета и Роккана подчеркивают, что партийные системы изменяются не эволюционно, а скачкообразно, дискретно [Hooghe, Marks, 2018]. В определенном смысле это несомненно: изменения проявляют себя на выборах, которые происходят один раз в несколько лет. Общий масштаб сдвига также свидетельствует о значительности изменений. Голосование за умеренные политические партии снизилось в среднем по Европе с 75% на первых выборах после 2000 г. до 64% на последних выборах перед 1 января 2017 г. [ibid.]. При этом политическое влияние партий, относимых к популистским авторитетными экспертами, действительно выросло с 1960-х годов по 2016 г.: вдвое – по голосам из-

бирателей (с 5,1 до 13,2%), второе – по местам в парламентах (с 3,8 до 12,8%) [Inglehart, Norris, 2016, p. 2].

Таблица 1

Динамика показателя эффективного числа парламентских партий в десяти странах Европы (1950–2017)

	1950–1980	1981–1990	1991–2000	2001–2010	2010–2014	2015–2017
Австрия	2,28	2,53	3,00	3,00	4,44	
Бельгия	3,65	5,35	6,90	7,61	7,99	
Великобритания	2,08	2,14	2,19	2,32	2,57	2,46
Германия	2,60	3,05	2,99	3,78	3,78	4,65
Греция	2,06	2,27	2,28	2,40	3,91	
Испания	2,88	2,67	2,68	2,44	2,60	4,15
Нидерланды	4,86	3,75	4,65	5,52	6,22	8,11
Португалия	3,07	3,09	2,46	2,73	2,96	2,71
Франция	4,13	3,40	3,26	2,79	2,67	2,98
Швейцария	4,97	5,34	5,90	4,93	5,57	5,23

Примечание: в столбцах – среднеарифметический показатель эффективно-го числа парламентских партий на всех общенациональных выборах, состоявшихся за соответствующий период.

Источник: рассчитано автором на основе базы данных исследовательского проекта по функционированию политических партий НИУ ВШЭ (по 2013 г. включительно) [Партии и партийные системы, 2015] и электорального архива Адама Карра – за 2014–2017 гг.¹

Однако абсолютизировать это утверждение было бы неправильно. Колебания партий по лево-правой шкале относительно невелики и носят во многом конъюнктурный характер, что продемонстрировано недавнее исследование Р. Далтона и Я. Макаллистера [Dalton, McAllister, 2015]. Как показано в таблице 1, из десяти «старых» европейских демократий средний показатель эффективного числа парламентских партий (ЭЧПП) значительно вырос в шести, причем этот рост происходил по хронологически разным сценариям: в Австрии, Греции и Испании (во всех этих системах действительно обозначилась сильная «новая партия») – во втором десятилетии XXI в.; в Бельгии и Германии – плавно на протяжении более длительного периода; в Нидерландах – экспонентно – с начала нынешнего века.

¹ Adam Carr's election archive. – Mode of access: <http://psephos.adam-carr.net/>

Отметим еще одну особенность: в обеих странах этой выборки, использующих мажоритарную избирательную систему (равно как и в не включенных в нее США), показатель ЭЧПП не претерпел резких изменений, в том числе на знаковых выборах 2016–2017 гг., несмотря на то что расклад партийно-политических сил в них существенно изменился. Это утверждение особенно значимо для Франции, где фактически развалилась прежняя партийная система, строившаяся вокруг правого и левого центров. Это означает, что при пропорциональной избирательной системе фрагментация партийных систем действительно возможна – при наличии объективных к тому предпосылок, но может происходить как скачкообразно, так и плавно (или не происходить вообще, как в Португалии или Швейцарии), а при мажоритарной системе (даже двухтуровой, как во Франции) более вероятны сдвиги в политических платформах традиционных партий – принятие евроскептической позиции Консервативной партией Великобритании или сдвиг в правый популизм в Республиканской партии США, либо реформатирование ключевых игроков – появление во Франции крупной новой партии «на медиане» лево-правой шкалы при провале традиционного левого и сдаче позиций традиционным правым центрами партийной системы.

Эта тенденция к фрагментации партийных систем, порожденной постматериалистическим размежеванием, носит долгосрочный характер. М. Липсет четверть века назад предсказывал ей устойчивость, объясняя это наличием у постматериалистических ценностей множества структурных компонентов, которые в совокупности соревнуются за приоритетность с ценностями материальными [Липсет, 2016, с. 545].

Новые размежевания добавляются к прежним, образуя различные – порой неожиданные и внешне противоречивые сочетания в программах и «старых» и в особенности – «новых» партий. Как отмечают исследователи, результатом этого процесса становится не перегруппировка позиций партиями, а усложнение, разрастание (accretion) системы представительства интересов.

Попытки качественно охарактеризовать новое размежевание, описать его содержательное наполнение и соотношение с социально-экономическим (с долей упрощения – «лево-правым») размежеванием продолжают уже несколько десятилетий, особенно активно – в последние годы. В некоторых из подобных ин-

терпретаций противопоставляют «прогрессивные» ценности «традиционным»; не менее редко в качестве «оси» между новыми левыми и новыми правыми называются либерализм и, соответственно, авторитарность или антилиберализм – в полном согласии с описанной выше «дополнительной осью» у М. Липсета. Наиболее последовательно эта классификация проводится в работах исследовательского центра Университета Северной Каролины, который ввел понятие размежевания TAN (traditional-authority-nationalism) – GAL (green-alternative-libertarian) [Hooghe, Marks, 2018].

Однако обращает на себя внимание то, что в фокусе наиболее острых противоречий между новыми акторами на партийной арене многие исследователи видят проблемы не внутривнутриполитические, которые традиционно определяли сценарий межпартийной борьбы в каждой стране, а международные.

Такое развитие событий диктовалось бурно развивавшимися процессами глобализации и европейской интеграции, во многом обеспечивавшими социально-экономический подъем Запада и распространение новых ценностей. По оценкам авторов, введших в научный оборот понятие «транснациональное размежевание» [Hooghe, Marks, 2018], в 90-е годы прошлого века нараставший «транснационализм» консенсусно поддерживался как левыми, так и правыми традиционными партиями: на росте открытости и интегрированности экономик строились все социально-экономические стратегии. Однако, как заметил Р. Инглхарт еще в конце прошлого века, у новых партий позиции по «открытости» или «закрытости» страны перед лицом интеграции и глобализации (соответственно, национализм или «многосторонность») тесно коррелируют с более общими проблемами: либеральная демократичность или склонность к авторитарности или популизму, традиционными или современными ценностями – это размежевание обозначено у него как «космополитичный либерализм против популизма» [Inglehart, 1997, p. 245]. Чаще популизм оказывается «правым», а либерализм – центристским или левым, однако это не классическая «право-левая» ось, в основе которой – материальные ценности и социально-экономическое размежевание. Инглхарт описывает немецкую Партию демократического социализма (ныне – «Левая партия»), которая сочетает антилиберализм с крайне левой позицией [Inglehart, 1997, p. 245]; аналогичный пример – болгарская партия «Атака» [Ganev, 2017]. Оба этих случая объясняются наследием коммунистической – ра-

дикально антилиберальной традиции. «Левым» в последние годы оказался и популизм в странах Южной Европы, особенно сильно пострадавших от последствий социально-экономического кризиса – Греции (СИРИЗА) и Испании («Подemos»).

Питер Майр, один из авторов теории «картельных» партий, отрывающихся от общества и срачивающихся с государством [Katz, Mair, 1995], экстраполировал свою гипотезу об увеличивающемся разрыве между обществом и его партийным представительством в политическом пространстве. С делегированием части полномочий от суверенных европейских государств Евросоюзу, согласно его трактовке, партии частично утрачивают одну из своих главных функций: представительства интересов избирателей в исполнительной власти и участия в балансе сдержек и противовесов, поскольку исполнительные органы ЕС формируются не через прямые выборы, а Европейский парламент ограничен в сфере своей компетенции. При действующей институциональной системе невозможна оппозиция «внутри» ЕС, т.е. выражение у избирательных урн несогласия с интегрированным политическим и социально-экономическим курсом – от фискального до политики в области иммиграции, меньшинств и т.п. В таком случае на национальном уровне неизбежна «оппозиция против ЕС», т.е. против политики национальных правительств, участвующих в выработке курса ЕС. А поскольку в большинстве случаев и правый, и левый центры политического спектра придерживаются «проевропейской» позиции, то голоса «против ЕС» или всего того, что с ним ассоциируется, уходят новым популистским партиям. В трактовке Майра возникает – если вернуться к теории Липсета и Роккана – новое измерение размежевания «центр – периферия», где «центр» – это брюссельская бюрократия, а «периферия» – национальные государства. Конфликты здесь возникают и по поводу *polices* (распределение ресурсов), и по поводу идеологических ценностей.

Партии и кризис постмодерна

Итак, можно считать сложившейся – хотя и продолжающей достаточно активно развиваться – новую парадигму общественно-политических размежеваний. В приведенных выше рассуждениях политологов о характере ее эволюции период с конца 60-х до на-

шего времени рассматривается как единый, разумеется, с выделением этапов и описанием ускорения определенных трендов, например, подъема популизма в последние годы. Такой подход вполне допустим: в основе этого тренда – один и тот же набор явлений и предпосылок.

Но правомерен скорее несколько иной подход: если на развитие партийных систем воздействуют процессы, выходящие за рамки национальных государств, – глобализация, распространение ценностей постмодерна, массовые миграции, то большую часть рассматриваемого периода эти процессы развивались «по восходящей» и приносили основной массе населения ощутимые дивиденды в росте качества жизни. Даже перелом этого тренда в начале XXI в., после которого рост показателей уровня жизни сменился стагнацией, не привел к синхронному росту антиистеблишментных партий. Положение изменили лишь экономический кризис 2008–2009 гг. и последовавшая за ним затяжная рецессия практически во всех странах Запада. Подробное описание экономического кризиса и его социальных последствий не входит в задачи настоящей статьи. Упомянем лишь такие факты, как замедление экономического роста в странах – «старых» членах ОЭСР – примерно с 4% в первые послевоенные десятилетия до 2% в год в XXI в., увеличение разрыва в доходах, снижение занятости в традиционных отраслях. Все это не могло не отразиться на настроениях граждан стабильных западных демократий. По данным Pew Research Center, в Европе и США доля граждан, считающих, что следующее поколение будет финансово менее обеспечено, чем они сами, превышает 60% (обратной точки зрения придерживаются вдвое меньше респондентов), тогда как в Латинской Америке, Азии и Африке пропорция практически обратная. И в том же исследовании зафиксировано положительное отношение к «евроскептическим» или националистическим партиям в большинстве европейских стран [Global attitudes survey, 2015].

Как отмечал по итогам 2013 г. аналитический отдел журнала *The Economist*, последствия кризиса «привели к обостренному ощущению разочарования народных масс и усугубили негативные тенденции политического развития... общественное недовольство демократией проявилось в подъеме популистских и протестных партий, которые в Европе бросили вызов устоявшемуся политическому порядку» [Economist democracy index, 2014].

Набор этих кризисных явлений и реакция на них обществ в виде повышения поддержки антиистеблишментных, преимущественно правых и антилиберальных партий, обладает чертами сходства с тем, как у М. Липсета описаны и проанализированы корни и массовая база поддержки фашистских и других крайне правых режимов в межвоенный период. Насколько нам известно, до сих пор в литературе если и проводилась такая параллель, то лишь применительно к социально-демографическому профилю электоратов или сходству в политической стилистике современных «новых правых» с фашистами [Pasięka, 2017].

Как нам представляется, параллель гораздо более существенна. Подъем фашизма – это реакция общества на явления завершающего периода «классической» модернизации – переход от аграрного общества к индустриальному. Об этом писал и сам М. Липсет: в качестве важнейшего фактора, определяющего политическое развитие Европы межвоенного периода, он называл «великую трансформацию», описанную М. Вебером и К. Поланьи, указывающих, что естественное развитие капиталистических отношений требовало «отмены внутренних границ», создания открытого международного рынка, т.е. своеобразной «глобализации» [Липсет, 2016, с. 163]. Эту мысль М. Липсета многие годы спустя Р. Инглхарт и П. Норрис интерпретировали как объяснение подъема фашизма реакцией против модернизма, вклинившегося между большим бизнесом и организованным трудом [Inglehart, Norris, 2016, p. 10].

С акцентом на внутривнутриполитическое развитие те же модернизационные процессы проанализированы в классическом труде Б. Мура [Мур, 2016], описавшего процесс модернизации как «три пути в современность» – через демократию, фашизм и коммунизм соответственно.

Развернутое сравнение модернизационных процессов первых десятилетий прошлого и нынешнего веков вряд ли уместно в рамках нашей статьи. Однако очевидны совпадения таких тенденций, как интенсификация процессов трансграничной торговли, появление новых отраслей и видов занятости, порождающих сдвиги в социальной структуре. В обоих случаях качественный скачок в развитии социально-экономической среды и следующие из него сдвиги в культуре порождали в обществе раскол между общественными слоями, поднимающимися благодаря новому экономиче-

скому укладу, и менее мобильными гражданами, которых эти перемены лишали уверенности в завтрашнем дне.

Конкретная конфигурация «проигравших» от перемен, разумеется, существенно различается. Но именно они становятся массовой базой для правого радикализма. М. Липсет разбирает эту тему весьма подробно. Фашизм для него – «экстремизм центристского толка» [Липсет, 2016, с. 158–161], трактуемый весьма расширительно: он преимущественно «правый» – наряду с Гитлером, Муссолини и Франко Липсет относит к этой категории М. Хорти, Э. Дольфуса и А. Салазара. Со ссылкой на другие авторитеты он приводит похожие лаконичные определения массовой базы фашизма: «восстание деклассированных» (В. Сауэр), «психологическое обеднение низших частей среднего класса» (Г. Лассуэл) [там же], «нерассосавшаяся фрустрация тех, кто чувствовал себя отрезанным от основных трендов современного общества». Эти слои – мелкие собственники, крестьяне, ремесленники, малый бизнес, жители депрессивных районов (т.е. не только люди определенных профессий, но целые сообщества и регионы); источник их бед – индустриализация, механизация и концентрация производства (они проигрывали рабочему классу и более крупным буржуа) [там же, с. 517].

Липсет резюмирует: конкретные обстоятельства делают таких людей сторонниками «иррациональных идеологий протеста – регионализма, расизма, супернационализма, антикосмополитизма, маккартизма, фашизма» [там же, с. 205]. И он же сам сравнивает этот подъем правого радикализма с более современными феноменами, также бросившими «моральный вызов традиционной религии и патриотизму... Тенденции, конечно, не новые. Они напоминают изменения, которые отождествлялись с модернизмом, инновациями и оскорбляли традиционалистов и правых экстремистов в первые десятилетия XX в.». Еще в 1970-е годы на этих настроениях и с опорой на мелкую буржуазию, село, недавно переселившихся в города поднялись такие более узкие, более «дремучие» силы, как «Сельская партия» в Финляндии и пужадисты во Франции, но уровень их поддержки оставался низким. Отмечая это сходство, к которому мы вернемся несколько ниже, М. Липсет считал невозможными последствия, сопоставимые с подъемом фашизма, отмечая категорическую неспособность этих движений мобилизовать массовую поддержку. Но одну важную

оговорку он все же сделал, и именно она имеет отношение к сегодняшнему дню: «Кажется маловероятным, чтобы в условиях, когда отсутствуют серьезные экономические кризисы или главные международные вызовы национальной безопасности, в развитых странах снова возникли правые экстремистские партии в качестве основной угрозы демократическому процессу...» [Липсет, 2016, с. 524–529].

Как раз такой кризис и случился в 2008–2009 гг., его последствия на Западе до сих пор не преодолены, а порожденные им протестные настроения и фрустрации многократно усилил массовый поток миграции с Ближнего Востока и из Африки, достигший пика в 2016 г. Наступление «постмодерна» породило – на достаточно поздней фазе развития – значимую ответную реакцию «проигрывающих» слоев общества в виде подъема антиистеблишментных настроений, преимущественно правого толка. В этих двух протестных волнах можно найти как сходства, так и различия.

По главному параметру сравнения двух кризисных ситуаций – социальной базе таких настроений – можно найти как сходства, так и различия. Совпадает главная качественная характеристика: это «проигрывающие» слои общества, уже потерявшие что-то в материальном положении и социальном статусе, но главное – опасющиеся потерять еще больше в будущем. Это – как и в межвоенный период – не «самый низ» социальной и доходной пирамиды, а «предпоследние двадцать процентов [по уровню доходов] постмодернистского общества, слой, относительно защищенный от бедности, но все же боящийся еще что-то потерять» [Minkenberg, 2000, p. 187]. Протестные настроения порождает не столько абсолютная, сколько относительная депривация, согласно известной теории – главный триггер протестных настроений [Gurr, 1970].

Современные исследования [Inglehart, Norris, 2016, p. 16–27] в качестве наиболее склонных к поддержке правых радикалов выявляют старшее поколение, мужчин, религиозных, принадлежащих к этническому большинству, мелкую буржуазию и самозанятых. Проживание на селе или в малом городе, в депрессивном экономическом районе также повышает вероятность голосования за правых радикалов. Как мы видим, эти факторы схожи с межвоенным периодом. Единственное значимое различие: поддержка радикалов низка среди низкоквалифицированных рабочих, но остальной рабочий класс скорее склонен за них голосовать. Дело,

очевидно, в том, что современный квалифицированный рабочий и по уровню дохода, и по образу жизни (а значит, и социальному статусу) приблизился к среднему классу, т.е. ему «есть что терять», а отсюда и страхи. К тому же, хотя в разных странах картина существенно различается, ослабли массовость и влияние профсоюзов, которые в прошлом были одними из главных инструментов электоральной мобилизации за традиционных левых. Но, повторим, главное совпадение – утрата уверенности в завтрашнем дне, трансформирующаяся в политическом поведении в недоверие истеблишменту, будь то левому или правому.

Второй параметр для сравнения – целеполагание радикальных партий. И в прошлую, и в нынешнюю эпоху праворадикальные партии обладают признаками того, что М. Липсет, ссылаясь на работу З. Ноймана (Neumann, 1932), называл «интеграционностью» – стремлением «привести мир в... соответствие со своей базовой философией, яркими приверженцами и фанатичными бойцами» за которую они являются. Схожие, но не идентичные тенденции у «новых партий», причем не только правых, отмечают и современные исследователи: в отличие от более крупных партий, стремящихся максимизировать свой успех на выборах (vote-seeking в духе теории Э. Даунза), радикальные партии стремятся к максимальному продвижению своей программы (policy-driven), т.е. проявляют идеологическую жесткость [Dalton, McAllister, 2015, p. 760–765]. Однако в «чистом виде» такая «упертость» присуща только крайним маргиналам наподобие партий Йоббик в Венгрии или «Золотая заря» в Греции, набирающим на выборах небольшую долю голосов. Другие же радикальные партии все же усвоили электоралистскую (в смысле упоминавшейся выше типологии Гюнтера и Даймонда) повадку, более того, после первых успехов порой идут на смягчение своих позиций, понимая, что это единственный способ расширить свой электорат, такую эволюцию мы отмечаем, например, у «Национального фронта» во Франции или «Партии независимости» в Великобритании [Консерватизм и развитие, 2015, с. 56].

В этом – главное отличие, точнее, главный итог политического развития Запада: снижение остроты классового конфликта, обострить который на былом уровне у радикалов не получается, поскольку классовые противоречия относятся скорее к основной, «право-левой» оси, а на ней существенных сдвигов не происходит. Иными словами, даже такие радикальные силы не могут выйти за

рамки писаных и неписаных правил консолидированной демократии как «единственной игры в городе» [Linz, Stepan, 1996, p. 5], даже при том, что это выражение стало модным ставить под сомнение или подвергать насмешкам¹.

Относительное снижение значимости «классовой» оси, разделяющей левых и правых, – причина того, что в сегодняшнем кризисе левого радикализма гораздо меньше. Современного аналога «ленинистского» (в терминологии Гюнтера и Даймонда) левого антилиберализма практически не существует. Левее истеблишментной социал-демократии располагаются «зеленые», массовую базу которых составляет «другой левый», описанный выше со ссылкой на М. Липсета, и иные группировки, утратившие свой «интеграционистский пыл». Самые заметные из «новых левых» – это греческая СИРИЗА, испанское «Подemos» и потенциально – «Непокоренная Франция» Ж-Л. Меланшона. Они радикальны, но практически не имеют авторитарного начала. Действительно авторитарные силы слева почти отсутствуют, возможно, за исключением болгарской «Атаки».

Во всем остальном месседж и стилистика правых действительно имеют немало общего с предшественниками – как в основных программных установках, так и в деталях и символах, порой – случайных, порой – намеренно заимствованных «правыми»². А реальные программы всех правых радикалов отличают такие общие черты, как плебисцитарность и популизм, национализм, фобии к «иным», т.е. этническим и религиозным меньшинствам, евроскептицизм.

Наконец, есть еще один параметр, по которому возможно сопоставление двух праворадикальных «подъемов», – международная рамка. Не останавливаясь подробно на связях между фашистскими и подобными им режимами в межвоенный период, отметим, что антагонистическое противостояние между коммунизмом и капитализмом, непреодоленное наследие Первой мировой войны, скорее способствовало приходу и закреплению у власти подобных сил, а во Второй мировой войне страны, управляемые такими режимами,

¹ См. например, известное утверждение политолога И. Крастева: «...но что делать, если играть в эту игру никто не хочет?» [Krastev, 2012].

² Обзор таких заимствований см.: [Pasiaka, 2017].

оказались союзниками или, во всяком случае дружественными друг другу.

Нынешняя ситуация принципиально отлична. И институциональная рамка Европейского союза, и ценностная основа европейских государств построены на принципах либеральной демократии. Примеры «прямого воздействия» Объединенной Европы на правых радикалов – обструкция европейских государств правительству Австрии, когда в него в 1999 г. вошла «Партия Свободы»; нынешнее противодействие Брюсселя антидемократическим и антилиберальным мерам, предпринимаемым правопопулистскими кабинетами Польши и Венгрии. Важна – хотя требует отдельных исследований – и роль всего политического класса Запада, осуждающего и критикующего праворадикальные тенденции. Правые радикалы и популисты из разных стран также стремятся к сотрудничеству между собой, однако его формат ограничен и в основном сводится к дружественным отношениям между лидерами таких сил. Не случайно в Европейском парламенте такие силы распределяются между тремя разными депутатскими фракциями, наиболее заметна «Европа наций и свобод», в которую, в частности, входят австрийская и голландская «Партии свободы» и французский «Национальный фронт».

Кратко резюмируя это сопоставление, можно сказать, что «кризис постмодерна», выразившийся в подъеме праворадикальных популистских сил, действительно имеет место. В таблице 2 зафиксирован рост популярности таких партий со второй половины прошлого десятилетия и по середину текущего. Хотя 2017 г. не принес этим силам таких значимых успехов, как предыдущий («успех» референдума о Брексите, победа Д. Трампа в США) – ни «Партия свободы» в Нидерландах, ни «Национальный фронт» во Франции не приблизились после недавних выборов к вхождению во власть, – говорить о прекращении этой тенденции было бы преждевременно. Даже упомянутые поражения на выборах продемонстрировали, что голландские и французские популисты имеют внушительную электоральную базу. Популистский подъем отражает и кризисные тенденции в восприятии демократии обществами, и дает повод опасаться эрозии демократических институтов [Foa, Mounk, 2016].

Таблица 2

Динамика электоральных показателей правопопулистских партий в Европе, % (1990–2017)

Партия (страна)	1990–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2017
Партия независимости Соединенного Королевства		0,30	1,90	3,10	12,60	1,80
Национальный фронт (Франция)	12,40	15,30	11,30	4,30	13,60	13,20
Альтернатива для Германии					4,70	13,3
Лига Севера (Италия)	8,60	10,10	3,90	6,40	4,00	
Шведские демократы				4,30	12,90	
Истинные финны		1,00	1,60	4,10	18,50	
Датская народная партия		7,40	12,60	13,90	12,30	
Партия свободы (Нидерланды)				10,70	10,10	13,10
Партия Свободы (Австрия)	20,30	26,90	10,00	14,60	20,50	
Фидес (Венгрия)		28,20	41,10	47,75	44,50	
Йоббик (Венгрия)				16,40	20,50	
Право и справедливость (Польша)			18,25	32,10	33,75	
Среднее	13,77	12,74	12,58	14,33	17,33	9,73

Примечание: в столбцах – среднеарифметический показатель результата партии на всех общенациональных выборах, состоявшихся за соответствующий пятилетний период.

Источник: рассчитано автором на основе базы данных исследовательского проекта по функционированию политических партий НИУ ВШЭ (по 2013 г. включительно) [Партии и партийные системы, 2015] и электорального архива Адама Карра – за 2014–2017 гг.¹

Такие силы, во-первых, остаются партиями меньшинства и в большинстве случаев не располагают – в категориях Дж. Сартори [Sartori, 1976] – «коалиционным потенциалом», т.е. не рассматриваются другими политическими силами как потенциальные партнеры по правительственной коалиции. Но еще более важно другое: сравнение кризисных ситуаций эпох «модерна» и «постмодерна», произвести которое нам помогли «празднующая юбилей» работа М. Липсета и С. Роккана и политологическая литература, во многом основывающаяся на их теории, дает почву для определенного оптимизма. Принципиальными преградами на пути авторитарных и правых тенденций остаются «классовый компромисс», устранивший антагонизм «право-левого» противостояния прошлой эпохи,

¹ Adam Carr's election archive. – Mode of access: <http://psephos.adam-carr.net/>

и консолидация демократии в странах Запада, не допускающая сильного роста авторитарных тенденций. Все эти явления – предмет дальнейших исследований, опирающихся на полувековой давности работу М. Липсета и С. Роккана.

Для политической науки история применения теории М. Липсета и С. Роккана – очевидная «история успеха». Даже те авторы, которые ее критиковали или дополняли, «стояли на плечах гигантов», если вспомнить известное объяснение И. Ньютоном своих достижений; ее концептуальный подход доказал возможность применять ее в самых разных исторических и географических контекстах для анализа явлений, которые авторы не могли предвидеть полвека назад. Однако нельзя не заметить и естественного ограничителя этой теории: она сама допускает «ортогональность» общественно-политических размежеваний, наличие наряду с главной – «лево-правой» – осью еще и дополнительной, а механизм появления «на пересечениях» этих осей нескольких партий у авторов теории (в частности, в многократно цитировавшейся работе М. Липсета) иллюстрируется конкретными примерами, но не получает всеобъемлющего разъяснения. В условиях постматериалистического мира эти пересечения еще более многочисленны и разнообразны – в нашей статье использовано лишь несколько примеров, приводимых современными авторами. Задача политической науки – найти развитие теории М. Липсета и С. Роккана, которое позволило бы анализировать, а в идеале и предсказывать, какие изменения в системе размежеваний оказывают воздействие на сдвиги в партийных системах в конкретных странах и в странах с развитым политическим плюрализмом в целом.

Список литературы

- Данн Дж. Не очаровываться демократией / Пер. с англ. И. Кушнareвой. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – 160 с.
- Консерватизм и развитие: Основы общественного согласия / Под ред. Б.И. Макаренко. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – 332 с.
- Липсет М. Политический человек: Социальные основания политики. Расширенное издание / Пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. – М.: Мысль, 2016. – 612 с.
- Партии и партийные системы: Современные тенденции развития / Под ред. Б.И. Макаренко. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 303 с.

- Баррингтон М.* Социальные истоки диктатуры и демократии. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира / Пер. с англ. А. Глухова; под науч. ред. Н. Эйдельмана. – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 488 с.
- Crozier M., Huntington S., Watanuki J.* The crisis of democracy. – N.Y.: New York univ. press, 1975. – 227 p.
- Dalton R., McAllister I.* Random walk or planned excursion? Continuity and change in the left-right positions of political parties // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2015. – Vol. 48, N 6. – P. 759–787.
- The economist democracy index. – 2014. – Mode of access: <http://www.sudestada.com.uy/content/articles/421a313a-d58f-462e-9b24-2504a37f6b56/democracy-index-2014.pdf> (Accessed: 17.09.2017.)
- Foa R.S., Mounk Y.* The democratic disconnect // Journal of democracy. – Baltimore, 2016. – Vol. 27, N 3. – P. 5–17.
- Ganev V.* «Neoliberalism is fascism and should be criminalized»: Bulgarian populism as left-wing radicalism // Slavic review. – Cambridge, 2017. – Vol. 76, N S1. – P. S9–S18.
- Geddes B.* Paradigms and sand castles: Theory building and research design // Comparative politics. – Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 2003. – P. 148–173.
- Global attitudes survey / Pew research center.–2015. – Spring. – Mode of access: <http://www.pewglobal.org/2015/06/02/faith-in-european-project-reviving/eu-lede-graphic/> (Accessed: 17.09.2017.)
- Gunther R., Diamond L.* Species of political parties: A new typology // Party politics. – Cambridge, 2003. – Vol. 9, N 2. – P. 167–199.
- Gurr T.* Why men rebel. – Princeton: Princeton univ. press, 1970. – 423 p.
- Hooghe L., Marks G.* Cleavage theory meets Europe's crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage // Journal of European public policy. – L., 2018. – Vol. 25, Iss. 1. – P. 109–135.
- Inglehart R.* The silent revolution in Europe: Intergenerational change in post-industrial societies // American political science review. – Cambridge, 1971. – Vol. 65, N 4. – P. 991–1017.
- Inglehart R.* Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political change in 43 societies. – Princeton: Princeton univ. press, 1997. – 453 p.
- Inglehart R., Norris P.* Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic have-nots and cultural backlash // Faculty research working paper series. – Cambridge, Mass., 2016. – August.–53 p.
- Katz P., Mair P.* Changing models of party organization and party democracy: The emergence of cartel party // Party politics. – Cambridge, 1995. – Vol. 1, N 1. – P. 5–28.
- Krastev I.* Can democracy exist without trust? – 2012. – Mode of access: https://www.ted.com/talks/ivan_krastev_can_democracy_exist_without_trust (Accessed: 12.12.2017.)
- Lijphart A.* Patterns of democracy: Government forms and performance in thirty-six countries. – New Heaven: Yale univ. press, 1999. – 351 p.
- Linz J., Stepan A.* Problems of democratic transition and consolidation. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 1996. – 479 p.

- Lipset S.M., Rokkan S.* Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives. – N.Y.; Toronto: The Free Press, 1967. – 61 p.
- Minkenberg M.* The renewal of the radical right: between modernity and anti-modernity // Government and opposition. – Cambridge, 2000. – Vol. 35, Iss. 2. – P. 170–188.
- Neumann Z.* Die Deutschen Parteien: Wesen und Wandel nach dem Kriege. – Berlin: Junker und Dunnhaupt Verlag, 1932. – 139 S.
- Pasieka A.* Taking far-right claims seriously: Anthropology and study of right-wing radicalism // Slavic review. – Cambridge, 2017. – Vol. 76, N S1. – P. S19–S29.
- Sartori G.* Parties and party systems. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1976. – Vol. 1: A framework for analysis. – 368 p.
- Schlesinger A.M.Jr.* The vital center: The politics of freedom. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1949. – 274 p.
- Tavits M.* Post-Communist democracies and party organization. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. – 289 p.
- Zielinski J.* Translating social cleavages into party systems: The significance of new democracies // World politics. – N.Y., 2002. – Vol. 54, N 2. – P. 184–211.